Бесконечность

Автор:
Джакомо Леопарди

Бесконечность

Джакомо Леопарди

Пространство перевода

Великого Джакомо Леопарди (1798–1837) Шопенгауэр назвал «поэтом мировой скорби». Жизнь Леопарди оборвалась рано, и поэтическое наследие его невелико: один сборник стихов Canti (Песни). И притом в итальянской литературе он по праву стоит рядом с Данте и Петраркой.

В России наиболее известны переводы А. Ахматовой и А. Наймана.

В книгу переводов Т. Стамовой вошли избранные стихотворения поэта и эссе, посвященное литературным мистификациям Леопарди.

Джакомо Леопарди

Бесконечность

Бесконечность

Всегда мне милым был пустынный холм

И изгородь, что горизонт последний

У взгляда забрала. Сижу, смотрю –

И бесконечные за ней пространства,

Молчанья неземные, глубочайший

Покой объемлю мыслью – странный холод

Подходит к сердцу. И когда в траве

И в кронах с шумом пробегает ветер,

Я то молчанье дальнее сличая

С сим близким гласом, постигаю вечность,

И время мертвое, и этот миг

Живой, и звук его. И посреди

Безмерности так тонет мысль моя,

И сладко мне крушенье в этом море.

К Луне

О дивная луна, я вспоминаю:

Уж год прошел с тех пор, как безутешный

Я поднялся на этот холм, чтоб снова

Тебя увидеть. И тогда, как ныне,

Ты этот лес сияньем наполняла.

Но зыбким и расплывчатым от плача,

Что встал в моих глазах, мне показалось

Твое лицо. Мучительной и горькой

Мне жизнь была. И есть: так ей угодно,

Моя луна. И все же мне отрадно

Воспоминанье. Этой скорби возраст

Мне дорог. В молодости, там, где краток

Путь памяти и долог путь надежды,

Нам сладко вспомнить о вещах прошедших –

Пусть горечь длится и живет страданье.

Вечер праздничного дня

Ночь до глубин прозрачна, ветер дремлет,

И, тихая, в садах и над домами,

Стоит луна и каждый обнажает

Вдали уснувший холм. О, дорогая,

Уже молчат тропинки, на балконы

Ночной лампады проникают блики.

Ты спишь, застигнутая сном летучим

В спокойных комнатах; тебя не мучит

Тревога; и не ведаешь, не видишь,

Какая рана в сердце обнажилась

Моем. Ты спишь. Я к небесам, что с виду

Так благостны, в смятенье обращаюсь;

К природе этой древней, всемогущей,

Что создала меня для бед. «Надежды

Я не даю тебе, – она сказала, –

Очам твоим светиться лишь слезами».

Вот праздник отшумел: от развлечений

Ты отдыхаешь и во сне припомнишь,

Скольких пленила ты и кем пленилась

За этот день – ко мне не повернешься

Ты в мыслях. Между тем я вопрошаю,

Сколько осталось жить мне, и, к суровой

Земле припав, рыдаю. О, жестоки

Дни лет моих зеленых! Различаю

Невдалеке звук одинокой песни

Ремесленника, что порой ночною

Бредет с гулянья в свой приют убогий –

И так мучительно сожмется сердце,

Когда подумаю, что все проходит

И остывает след. И вот уж в прошлом

День праздника, и вслед ему влачится

Обычный день. С собой уносит время

Событья все. Где ныне оживленье

Народов древних? Ныне где победный

Клич славных предков? Рим великий, где ты?

Где блеск былой и где твое оружье,

Гремевшее на суше и на море?

Безмолвие. Покой. Все отдыхает.

Мир спит, и о былом уже нет речи.

В начале дней моих, где каждый праздник

Был счастьем, – после, когда счастье гасло,

Я мучился и, смяв перины, долго

Заснуть не мог. И поздней ночью песня,

Звучавшая со стороны дороги,

Вдаль уходя, как будто умирая,

Как ныне, так же мне сжимала сердце.

Сон

Светало. Первый луч, пройдя сквозь ставни,

Прокрался осторожно в мягкий сумрак

Дремавшей комнаты моей. И в миг,

Когда тонка граница сна и яви,

В тончайшем сновиденье мне предстала

Та, что была причиной горьких слез

Моих – любовью послана сначала

И после отнята. Теперь живой

Она казалась мне, но не счастливой,

И, положив мне руку на чело,

Вздохнув, «Живой? – сказала. – Не забыл

Еще о нас?» –

Откуда ты? И как

Вошла сюда? О сколько, сколько раз

Я вспоминал тебя! А ты наверно

О том не знала, и от этой мысли

Мне боль моя была еще больней.

Но не затем ли ты пришла, чтоб снова

Меня покинуть? Страшно. Говори!

Ты прежнею осталась? Что-то мучит

Тебя? –

«Ты спишь. Забвения туман

В твои проникнул мысли. Я мертва.

Меня ты видел много лун назад

В последний раз».

От голоса ее

Внутри меня всё сжалось. А она

Так продолжала: «Я ушла во цвете

Лет, когда жизнь прекрасна и душа

Доверчива – не знает ни тщеты,

Ни тлена. В сущности немного надо

Пути, чтобы она, поняв обман,

От бремени земного захотела

Освободиться. Но горька безмерно

Смерть юным нам, когда хоронит рок

Ярчайшую надежду и о том,

Что тяжек жизни путь, душа не знает,

Слепой птенец». –

О бедная моя,

Молчи, молчи, ты сердце ранишь мне!

Так значит, ты мертва, а я живой,

Любимая моя, но как поверить:

Живою болью дышат все слова

Твои, а я похож на хладный труп.

Так что же смертью мы зовем? – Быть может,

Сегодня к этой тайне приобщусь,

Склонив пред роком светлое чело?

Да молод я, но молодость моя

Во мне, как старость, чахнет, о которой

Со страхом думаю, хоть очень мало

Цвет дней моих отличен от нее. –

Она: «Для слез мы родились, и счастье

Живым не улыбнулось нам, и небо

Бедою нашей насладилось вдоволь».

Тут я решился: – Видишь, до сих пор

Оплакиваю я твою кончину

И в сердце боль храню. Молю, ответь:

Ко мне, любившему тебя, хоть раз

Испытывала ты любовь иль жалость,

Пока жила? Все дни тогда и ночи

Метался я меж страхом и надеждой,

И ныне от сомнений бесполезных

Почти без сил. Когда, хотя б однажды

Сочувствовала ты несчастной жизни

Моей, не утаи, пусть эта память

Со мной пребудет, если нашим дням

Продлиться не дано. Она в ответ:

«Утешься, бедный! И тогда, как ныне,

Ты близок был страдающей душе

Моей. Оплакивать меня не надо». –

Несчастий ради наших, и любви,

Терзающей меня, и незабвенной

Мечты, и юности, – воскликнул я, –

О дорогая, дай мне прикоснуться

К твоей руке! – Спокойно и печально

Она мне руку подала. Губами

Я прикоснулся к ней, потом прижал

К груди, дрожа от нежности и муки.

Лицо испариной покрылось, голос

Пресекся, всё плыло в моих глазах.

Тогда она, так глубоко и нежно

В них заглянув, сказала: «Что с тобой?

Забыл ты? Красота моя прошла.

И ты напрасно, от любви сгорая,

Дрожишь. Теперь прощай! И наши души,

И наши оболочки никогда

Уже не встретятся. Ты для меня

Никто отныне. И твои обеты

Разрушил рок».

И вскрикнув, как от раны,

Я весь в слезах проснулся. Но она

Еще на миг осталась и в неверных

Лучах зари стояла предо мной.

Одинокая жизнь

Дождь утренний стучится осторожно

В мое окно; во дворике хохлатка

Бьет крыльями; селянин хлопнул ставней,

Глядит на поле; солнца луч, сквозь капли

Пройдя, дрожит; я поднимаюсь тоже

И выхожу, и стайки облаков,

И первый посвист птиц, и свежесть утра,

И луг смеющийся благославляю.

Но не забыл и вас, глухие стены

Угрюмых городов, где ходят парой

Тоска и ненависть, где я живу,

И мучусь, и умру наверно скоро.

Здесь как-никак сочувствия немного

Я нахожу в природе (ведь когда-то

Она меня любила). Всё ж и ты,

Природа, от несчастных отвращаешь

Свое лицо – приятней и разумней

Довольствию и счастию служить.

Что ж делать тем, кто брошен был тобою?

И кто поможет им, если не смерть?

Порою на холме уединенном

У озера сижу, где встали кругом

Деревья молчаливые, смотрю:

День близится к концу, на гладких водах

Рисует солнце свой спокойный лик.

Не шелохнется ни трава, ни листья,

Ни вскинется волна, в траве цикада

Не засвистит, не шевельнется в кроне

Ночной вьюрок; ни звука, ни движенья

Не различишь ни рядом, ни окрест.

Покой объемлет эти берега.

Так, замерев, сижу и забываю

Мир и себя. Как будто не мои –

Упали руки, никакая сила

(Так кажется) не может их поднять,

И древний их покой сродни как будто

Царящей в этом месте тишине.

Любовь, любовь, из пламенной груди

Моей когда-то вылетела ты.

И сразу же своей рукой холодной

Ее сдавило горе, превратив

В лед посреди весны. Еще я помню

То время невозвратное, когда

Во мне жила ты. Этот скорбный мир

Ты озаряла, предвещая сердцу

Такую радость, что оно пускалось

Едва ль не в пляс – так к тяжкому труду

Сей жизни мы вначале приступаем

Как к танцу иль игре. Но лишь тебя,

Любовь, приметил я, как рок вмешался,

Разрушив всё. Очам моим остались

Одни лишь слезы. Если на заре

У берегов веселых, где на солнце

Сияют ветлы, хижины, холмы,

Мелькнет лицо селянки молодой,

Иль летней ночью путника встречаю,

Бредущего на огонек, иль слышу

Той, что, за долгий день не утомилась

И за полночь над прялкою сидит,

Напевы плавные, – воспрянет вдруг

И затрепещет каменное сердце,

Но чрез мгновение железным станет.

Нет, нежность не живет в душе моей.

О ты, луна, в чьих медленных лучах

Танцуют зайцы на лесных полянах

(Наутро след не разберет охотник

И отойдет ни с чем). Здравствуй, благая

Ночей царица! Твой холодный луч

Сходил в овраги, сумрачные чащи,

Развалины, блестел, предупреждая,

На острие клинка, когда разбойник,

Заслышав скрип колес и конский топот,

Бросался с криком, леденящим кровь,

На путников усталых. Среди улиц

Ночного города встречала ты

Повесу, что преследуя упорно

Тень вожделенную, вдоль темных стен

Всё крался, словно тать, пугаясь окон

Светящихся, балконов и террас

Открытых. Сколько раз твой белый свет

Помехой был ему! Твои лучи

Враждебны злу, а мне всегда подругой

Была ты и склонялась благодушно

Над берегами этими, холмами

Счастливыми, просторами лугов.

И я, хоть и невинен был, но тоже

Порой корил тебя, когда прохожим

Меня ты выдавала невзначай.

Теперь хвалю всегда: средь облаков ли

Плывешь ладьей, иль светлая с полей

Надмирных смотришь на людское горе.

Не раз еще меня увидишь здесь:

В лесах брожу ли, на лугу ль уснувшем

Сижу средь тихих трав; дыханье слышу

Свое и сердце – и уже доволен.

Победителю игры в мяч

Бессмертья вкус и славы зычный голос,

О юноша, изведай!

И сколь почетней праздности цветущей

Трудная доблесть. Не остынь. С победой

Не расставайся – чтоб всегда боролась

С рекою времени, тебя влекущей,

Твоя отвага. Не забудь: предела

Высокого пусть жаждет дух. Взывают

К тебе арена гулкая, трибуны –

То славы глас: яви бессмертье тела!

Тебя, чьи силы и порывы юны,

Зовет земля родная

Дерзать, триумфы древних возрождая.

Варварской кровью в славном Марафоне

Не обагрил десницы

Тот, кто атлетов обнаженных, поле

Олимпии, лихие колесницы

Зрел без волненья; пальмам и короне

Кто не завидовал. А кто дотоле

Омыл в Алфее взмыленные крупы

И гривы пыльные коней победных,

Тот греческие копья и знамена

Вел твердо на мидян, что бросив трупы,

Бежали, сгрудясь. Тот запомнил стоны,

Потрясшие когда-то

Край рабский, лоно пышное Евфрата.

Пустым назвать ли то, что разжигает

В нас доблести природной

Спящие искры, превратив дыханье

Чахнущей жизни в пламень благородный,

Пусть бренный? С той поры, как погоняет

Феб скорбные колеса, что деянья

Людей, как не игра? Не столь же тщетной

Реальность создана? Самой природой

Даны нам милые обманы – теней

Счастливых мир. А там, где беспросветной

Тьмой изгнан дух высоких заблуждений,

Там в бледном прозябанье

Нашли замену славе и дерзанью.

Быть может, день настанет – на руины

Громад, глядевших строго,

Придут стада, и плугу подчинится

Земля семи холмов. Может, немного

Солнц минет – павших городов равнины

Освоит осторожная лисица,

И мрачный лес поднимется стенами

Среди развалин, если рок позволит –

И скорбное родной земли забвенье

Начнет, как сон, овладевать умами,

И близкого не отведет крушенья

Милость небес, щадящих

Нас, ради прежних подвигов блестящих.

Жить после смерти Родины – о бремя

Печальное! С призваньем

Твоим ты б славен был, когда сияла

Она своим венцом. Теперь стараньем

Нашим и рока он утрачен. Время

Уже прошло. Величия не стало.

Но, мальчик, для себя – возвысься духом.

Что наша жизнь? Достойна лишь презренья.

Блаженна лишь, когда, забыв о роке,

Себя забудет и не мерит слухом

Ущерб часов и дней в гнилом потоке;

Когда, достигнув края

Леты, вернется, землю узнавая.

Последняя песнь Сафо

Ночь мирная, и плавно заходящей

Луны безвинный луч, и ты, что всходишь

Над лесом молчаливым горных склонов,

Звезда рассвета – милые виденья,

О, я любила вас, пока не знала

Страстей и рока. Больше не волнует

Мне чувств отчаявшихся сон ваш мягкий.

Теперь другая радость нам знакома:

Когда через открытые пространства

И потрясенные поля несется

Волна пылящая ветров и с громом

Кронид промчится в тяжкой колеснице,

Над нами темный рассекая воздух.

Средь туч, вошедших в горы и ущелья

Глубокие, мы бродим. Нам отрадны

Большое бегство стад ошеломленных

И вдоль брегов аккорды

Реки, поднявшей волн взбешенных орды.

Дивен твой плащ, о небо, и прекрасна

Земля в твоих дождях. Несчастной Сафо

Судьба и боги ничего не дали

Из этой красоты. И в бесконечных

Твоих владеньях, о природа, стыну

Любовницей отверженной и гостьей

Непрошеной и тщетно обращаю

Глаза и сердце к безупречным формам.

Здесь все не для меня. Не мне кивают

Вершины буков, не со мной смеется

Рассветный луч, и пестрых птиц напевы

Не мне звучат. И там, где гибким ивам

Ручей блестящий мирно подставляет

Прозрачную струю, – там только пену

Шипящую он мне швыряет в ноги

И прочь несется с гиком,

Душистый брег толкая в бегстве диком.

За грех какой, в каком существованье

Я проклята была – что так жестоки

Ко мне и небеса и лик фортуны?

В чем провинилась в детстве, там, где горя

Не знает жизнь, – что, юности цветенья

Не испытав, печально обернулась

Вокруг веретена надменной Парки

Нить темная судьбы? – Неосторожны

Твои слова. По тайному веленью

Все, что назначено, свершится. Тайно

Все в мире. Явна только боль. Для плача,

Презренные, мы рождены. Причину

Спроси у звезд. О нежность, о надежды

Зеленых лет! Не сущностям – подобьям

Ты, Зевс, царить среди людей назначил –

Пустым подобьям. Подвиг, вдохновенье,

Искуснейшая лира –

В одежде нищей не прельщают мира.

Умрем. Хламиду жалкую откинув,

Нагая, устремится в царство теней

Душа – превозмогая беспощадный

Указ судьбы, вслепую раздающей

Обличья нам. А ты, к кому толкала

Меня любовь несчастная и вера,

Упрямая и долгая, попробуй

Прожить счастливо – если только смертным

Дается счастье на земле. Мне не дал

Отведать дивной влаги из сосуда

Скупого Зевс. И как один погибли

Сны и обманы детства. Самый светлый

День нашей жизни исчезает первым.

Подходят старость, и болезнь, и призрак

Холодной смерти. Кончено. Из стольких

Тщеславных снов и сладостных ошибок

Остался Тартар мне, богини мрака

Нрав бешено-ревнивый,

Ночь властная и берег молчаливый.

.

К весне, или об античных преданьях

Не потому ль, что солнце

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/leopardi_dzhakomo/beskonechnost

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити